

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проводится описательно-критический обзор работ европейских, преимущественно немецких (конца XIX — начала XX в.), и российских дореволюционных правоведов, в которых упоминается проблема юридических обязанностей вообще и гражданско-правовых в частности. Отмечая отдельные содержательные и методологические достижения, автор вместе с тем на основании систематического изложения соответствующих научных знаний приходит к выводу об отсутствии предпосылок для утверждения о становлении учения об обязанностях в указанный период развития теоретической юриспруденции.

The article conducts descriptive and critical survey of European works, mainly German (the end of XIX — the beginning of the XX centuries), and the Russian pre-revolutionary legal experts where the problem of legal duties, in general, and civil ones, in particular, is mentioned.

Noting separate substantial and methodological achievements, on the basis of a systematic statement of the corresponding scientific knowledge the author of the article comes to a conclusion about absence of prerequisites for the statement on doctrine formation about duties during the specified period of development of jurisprudence.

Поскольку анализ категориального ряда юриспруденции традиционно является одним из наиболее приоритетных направлений ее теоретической части, с одной стороны, а в правоотношении как одной из центральных категорий общетеоретической и цивилистической науки, с какой бы методологической позиции оно ни рассматривалось, всегда в качестве элемента выделяется юридическая обязанность, с другой, таковая так или иначе должна была привлекать внимание научной общественности. Однако представители как дореволюционной, так и современной цивилистики не без оснований относят юридические обязанности в целом и частноправовые в частности к малоисследованным научным категориям [1, с. 116; 2, с. 285; 3, с. 412].

Точности ради заметим, что основанием для таких выводов является не объем научного внимания, а, скорее, узкий подход в постановке самой проблемы и содержание конечных результатов ее решения. В этой связи считаем целесообразным изложить хронологию научной разработки проблемы юридических обязанностей. Наличествующая литература состоит из нескольких частей:

- 1) иностранная, преимущественно немецкая, конца XIX — начала XX в.;
- 2) русская дореволюционная литература по общей теории права;
- 3) русская дореволюционная литература по гражданскому праву;
- 4) работы советского периода развития цивилистики, общетеоретической науки и науки конституционного права;
- 5) работы современных представителей перечисленных областей юридического знания.

Цель настоящей статьи состоит в систематизации и анализе источников, образующих первых три подразделения.

Поскольку, в отличие от римских юристов, усматривавших характерную особенность юридических отношений в связанности их объективным правом, западноевропейские юристы, начиная уже с глоссаторов, придавали особенное, главное значение активной стороне отношения — правопритязанию [4, с. 141], в частности Г. Дернбург прямо указывал, что «права в субъективном смысле существовали в истории гораздо раньше, чем сознательный государственный порядок» [5, с. 100], постольку в рамках классической пандектики обязанности упоминались лишь как средство обеспечения субъективных прав и самостоятельному анализу практически не подвергались. Представители пандектного права — авторы учебников и курсов XIX — начала XX в., характеризуя в отрывочных замечаниях обязанность как обратную сторону субъективного права [6, с. 38], более подробно останавливались только на двух по сути взаимосвязанных вопросах: 1) право предшествует обязанности или, наоборот, обязанность проистекает из права; 2) всякой ли обязанности противопоставляется субъективное право.

Объяснение вопроса о первоначальном значении права или обязанности можно свести к трем вариантам. По мнению, например, Б. Виндшейда, «обязанности проистекают из прав» [7, с. 87]; «право есть логически предшествующее, обязанность — последующее», — утверждал К. Биндинг [8, с. 108]. Р. фон Иеринг, по всей видимости, склонялся к выводу о производном характере субъективного права по отношению к юридической обязанности, указывая на случаи пассивного действия права в правоотношении, например в ситуации существования обязанности должника по утраченной бумаге на предъявителя, то есть отсутствия (неизвестности) носителя субъективного права [9, с. 327].

А. Меркель, считавший спор по первому вопросу «пустым словопроением», поскольку «равным образом можно было бы спросить, что возникло ранее: углы в треугольнике или противолежащие им стороны», сделал важное методологическое замечание об одновременном возникновении прав и обязанностей как элементов юридического отношения [10, с. 54].

Несколько иной подход демонстрировал Ф. Регельсбергер: «Часто обязанность выступает как следствие права, но встречается также и то, что право является следствием обязанности и последняя образует центр тяжести: например, обязанность доставлять содержание (алименты)...» [6, с. 40]. В числе содержательных достижений Ф. Регельсбергера следует назвать признание возможности существования юридической обязанности при временном отсутствии ее носителя, а также возможности субъективного права являться одновременно юридической обязанностью, например право отца на воспитание детей, избирательное право граждан [6, с. 40–41].

В решении проблемы взаимосвязи субъективных прав и юридических обязанностей, то есть в ответ на второй поставленный вопрос, были предложены два основных подхода. Наибольшее распространение получила точка зрения о возможности существования юридической обязанности без соответствующего ей субъективного права: «...не каждой юридической обязанности соответствует субъективное право... Какому праву соответствует обязанность наследодателя упомянуть в завещании о необходимых наследниках?» [6, с. 39; 10, с. 54]. Противоположная, соответствующая философии Г. В. Ф. Гегеля позиция основана на неразрывном сочетании обязанности и права: «Нет обязанности без права, нет и права без обязанности» [9, с. 76].

По мере развития нормативистской теории права субъективное право и обязанность рассматриваются уже не как две стороны одного и того же правового отношения, а как проявление нормы объективного права, в связи с чем закономерно возникает вопрос об обязательности двойного «проявления нормы» в виде права и обязанности. В рамках теории солидаризма и социальных функций как разновидности теории нормативизма появляется идея отрицания понятия субъективного права. Отстаивавший данную идею Л. Дюги предлагал устранить из юридической науки само «метафизическое априорное понятие „субъективное право“» и заменить его понятием «юридическое положение», а также заменить права обязанностями: «В настоящее время... возникает общество, — писал Л. Дюги, — откуда метафизическая концепция субъективного права изгнана и уступила место понятию объективного права, налагающего на каждого социальную обязанность исполнить некоторую миссию и дающего власть совершить акты, необходимые для выполнения этой миссии... Лучше всего, устранив совершенно понятие о субъективном праве, говорить просто: субъективное юридическое положение, то есть положение социально обеспеченное и созданное сознательно волею индивида» [11, с. 8, 12].

Представитель правового этатизма Г. Кельзен, будучи сторонником существования обязанностей без прав, усматривал сущность нормы права в установлении правовой обязанности. В результате он пришел к выводу о том, что «правовая обязанность есть... гораздо важнее, даже первая (primare) начальная и существенная субъективная форма проявления права... Не может быть правовой нормы без правовой обязанности. Но не каждая правовая норма должна содержать субъективное право. <...> Будущее социалистическое государство может в своей антииндивидуалистической тенденции пойти так далеко, что обяжет всех субъектов и никого не управомочит, но никогда и ни при каких обстоятельствах не будет мыслить правопорядок без обязанностей» [12, с. 311–312].

Исходя из предложенного А. Тоном понимания права как совокупности императивов [13, с. 197], совершенно отрицает субъективное право Э. Пфферше [14, с. 28]. «Имеются только обязанности, и нет никаких прав», — таковым было мнение Дюнкерта [15, с. 600].

Ю. Биндер отрицал существование в целом правовых обязанностей, поскольку, по его мнению, правовые веления обращены не к народу, а только к судебным и исполнительным органам [16, с. 3–15].

Решение первостепенного, но, как отмечалось выше, не получившего достаточного освещения вопроса о сущности правовых обязанностей сводилось так же, как и у представителей этики и философии, к отождествлению правовых обязанностей с внешним принуждением, подчиняющим сопротивляющихся [17, с. 80]; выражением воли лица, к которому обращена норма [18, с. 46]; нравственной обязанностью. Так, по мнению немецкого юриста Шлосмана, «человек обязан исполнять возлагаемое на него нормами закона или обычая, потому что он нравственно обязан подчиняться правовому порядку» [15, с. 619].

«Прогерманская направленность» дореволюционной российской науки гражданского права предопределила восприятие основных ориентиров формирования научных знаний о юридических обязанностях, выработанных германскими юристами. Для указанного периода развития цивилистики характерным является также второстепенное внимание к проблеме юридических обязанностей вообще и частноправовых обязанностей в особенности.

Автор русскоязычного конспекта лекций по римскому праву В. М. Хвостов изложил ранее выработанные, уже приводившиеся нами положения германских авторов об отсутствии обратной связи между правом и обязанностью, о возможности «пребывания» обязанности в бессубъектном состоянии и о возможности слияния субъективного права и юридической обязанности [19, с. 45–46].

В работах по русскому гражданскому праву специальный вопрос о юридических обязанностях попросту не поднимался. Встречающиеся скорее в виде исключения краткие замечания сводились к тому, что субъективному гражданскому праву всегда соответствует обязанность и что между указанными понятиями существует взаимная связь [20, с. 97; 21, с. 40].

Многие правовые категории, в том числе и категория правоотношения, получили свое развитие именно на почве науки гражданского права как наиболее развитой к началу XX в., однако применительно к проблеме юридических обязанностей сферой научного поиска выступила общая теория права. Вероятно, причинами тому послужили диспозитивный характер гражданского права с признанием ключевой роли за субъективным правом и общетеоретический, преимущественно философский характер проблемы взаимосвязи прав и обязанностей, поднимаемой практически всеми авторами работ по основам, энциклопедии, теории и философии права. При этом условно можно выделить два подхода:

- 1) указание на юридическую обязанность как на необходимый элемент правоотношения, но при определении структуры учения о самом правоотношении места для учения о юридических обязанностях не находится (А. Рождественский прямым указанием исключает обязанности из состава учения о правоотношении [22, с. 93], Е. Н. Трубецкой, приняв к рассмотрению вопрос «Элементы правоотношения. Права и обязанности», на самих обязанностях не останавливается [23, с. 157]);
- 2) попытка, подобно западным исследователям, найти ответы на вопросы о том, какое правовое средство — право или обязанность — имеет первоначальное значение и могут ли эти явления существовать отдельно.

В рамках второго подхода, в свою очередь, сформировались следующие воззрения.

Представители юридического позитивизма В. М. Хвостов, Г. Ф. Шершеневич, Н. К. Ренненкамф придерживались позиции, согласно которой соответствие всякому субъективному праву юридической обязанности не означает соответствия любой обязанности чьего-либо субъективного права [24, с. 181; 15, с. 619; 25, с. 135].

В. Ф. Тарановский, А. Рождественский, рассматривая субъективные права и юридические обязанности в качестве коррелятивных элементов юридического отношения, полагали их раздельное существование невозможным [6, с. 130; 22, с. 93].

Основное значение за субъективным правом признавали представители «возрожденного естественного права» И. В. Михайловский, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский [27, с. 449–450; 28, с. 296; 29, с. 562]. Соответственно, обязанность рассматривалась ими как следствие права.

Представитель социологического направления в общей теории права Н. М. Коркунов, опираясь на частноправовые примеры существования правообязанности без соответствующего ей субъективного права (в отличие от невозможности существования прав без обязанностей), а также на специфику публично-правовых отношений, приходит к заключению о том, что «в юридических отношениях... основное значение имеет пассивная сторона, обязанность, связь» [4, с. 141].

Производный характер субъективного права в соответствии с социологической доктриной отмечал и С. А. Муромцев в работе «Основы гражданского права», посвященной философско-социологичес-

кому анализу предпосылок возникновения права. Приведя цитату из работы немецкого философа-идеалиста В. Виндельбанда о том, что «мое право состоит в том, что другие имеют обязанности по отношению ко мне ...право всегда вытекает из обязанности», С. А. Муромцев далее дает собственный ответ на два дискутируемых в литературе того периода вопроса: «мыслить право без обязанностей, в которых оно коренится, представляется психологической невозможностью. Но и обратно: ...вообще немислима обязанность, которой не соответствовало бы ничье право» [30, с. 84–85].

Исходя из различных методологических предпосылок, историк права В. Ф. Тарановский и цивилист Ю. С. Гамбаров отрицали саму постановку вопроса о приоритете субъективного права или юридической обязанности. По мнению Ю. С. Гамбарова, «из необходимой связи понятий объективного и субъективного права не следует, однако, выводить ни исторического приоритета одного из этих понятий перед другим, ни возможности свести все право либо к праву в субъективном, либо к праву в объективном смысле» [31, с. 187]. Разделявший, как отмечалось выше, точку зрения о невозможности раздельного существования прав и обязанностей В. Ф. Тарановский, соответственно, полагал, что «раз юридическое отношение обозначает связь двух лиц, между которыми распределены обязанность и право, то в пределах построения юридического отношения не может быть речи о приоритете двух его коррелятивных составных частей. Подобный вопрос может быть возбужден разве лишь тогда, когда мы выйдем за пределы юридического отношения и посмотрим на него со стороны, — с точки зрения социальной и моральной» [26, с. 132].

Что же касается ключевого по своему значению вопроса о сущности юридических обязанностей, то представители науки гражданского права и большинство теоретиков предпочитали его не затрагивать вовсе. Лишь в виде исключения отдельные авторы излагают свои представления о правовой природе обязанностей.

Предваряя свое определение общим замечанием о том, что «всякое жизненное отношение выражается в известном поведении заинтересованных лиц», Д. Д. Grimm вслед за философами отождествляет обязанности с поведением и определяет их как «конкретные отношения, поскольку они подходят под абстрактный тип, предписывающий или возбраняющий известного рода деятельность. <...> Будем ли мы называть их (жизненные отношения. — Прим. автора) правами или обязанностями, они остаются и в том и в другом случае тем, чем были, — конкретными жизненными отношениями» [1, с. 122–124].

В соответствии со своей психологической теорией права как явлением индивидуальной психики, то есть особых императивно-атрибутивных эмоций, Л. И. Петражицкий сформулировал учение о природе обязанностей как эмоциональных фантазм: «Нравственные и правовые обязанности суть эмоциональные проекции... соответствующие реальные феномены действительно существуют не там, где они

кажутся существующими, как какие-то „принадлежности субъектов”, а в психике переживающего подлежащие эмоционально-интеллектуальные процессы и проекции» [2, с. 305–306]. Из авторского обоснования различия между нравственными и правовыми обязанностями¹ очевидно, что основу осознания обязанности составляет субъективное чувство связанности. Невзирая на субъективный характер общих предпосылок названной теории, в заслугу Л. И. Петражицкому следует поставить указание на тот факт, что «регулирование житейских отношений состоит в том и только в том, что юристы называют установлением прав и обязанностей» [2, с. 284].

Очень близок к психологической концепции взгляд на обязанность как чувство связанности в своих поступках, высказанный С. А. Муромцевым. «Обязанность не есть что-либо, отдельное от нормы, — писал он, — это есть не более как психическая форма, в которой норма переживается в личном сознании» [30, с. 82].

В работе «Определение понятия о праве» 1896 г. последовательный позитивист Г. Ф. Шершеневич высказал взгляд на юридическую обязанность как на необходимость подчинения, то есть необходимость определенного поведения во избежание реализации угрозы: «В силу фактической зависимости, в которой находятся лица, к которым обращаются нормы, они „обязываются” к выполнению их. <...> Всякому повелению, если оно таково по существу, а не по форме только, всегда соответствует обязанность, и наоборот, нет обязанности без соответствующего повеления, сопровождаемого угрозой зла» [32, с. 293].

В работе «Общая теория права» 1912 г. на вопрос «Что такое правовая обязанность?» Г. Ф. Шершеневич дает следующий ответ: «Это, прежде всего, сознание связанности своей воли. Человек вынуждается соотносить свое поведение с предъявленными к нему извне требованиями. Следовательно, в основе правовой обязанности, как и субъективного права, лежит воля — воля пассивного субъекта» [15, с. 619]. Как видим, невзирая на уже имевшуюся к этому времени критику основных недостатков волевой теории субъективного права, а эти недостатки отмечаются самим автором несколькими страницами ранее (речь, например, идет о том, что если воля составляет сущность субъективного права, то каким образом субъектами прав признаются лица, не имеющие воли в юридическом смысле (несовершеннолетние, недееспособные)), Г. Ф. Шершеневич использует понятие воли в объяснении сути юридической обязанности.

Психологический феномен воли приобретает решающее значение и в концепции Л. И. Петражицкого, ведь именно воля (психика) объявляется им сферой существования обязанностей и всех правовых явлений в целом.

¹ «Такие обязанности, которые осознаются свободными по отношению к другим, по которым другим ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, мы назовем нравственными обязанностями. Такие обязанности, которые сознаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, по которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне, как нечто ей должное, мы будем называть правовыми или юридическими обязанностями» [2, с. 58].

Необходимо упомянуть отдельно взгляд, изложенный в работе Н. Н. Алексеева, вышедшей в 1919 г., но по содержанию соответствующей дореволюционной правовой традиции. Указав на отсутствие каких-либо оснований для представления юридических обязанностей по образу обязанностей нравственных, всегда связанных с внутренней, духовной жизнью человеческой личности, ученый не просто отождествляет обязанности с простым исполнением, то есть действием, а объявляет их объектом правоотношений в духе уже становившейся к тому времени предметом критики концепции Е. Р. Бирлинга, согласно которой «объектом права или объектом юридического отношения в *строгом смысле* следует считать поведение обязанного лица» [18, с. 239].

Свою позицию Н. Н. Алексеев объясняет следующим образом: если действия физических лиц, являющиеся объектом права, могут быть названы юридическими обязанностями, с одной стороны, а применительно к действиям, «если можно так выразиться, тех субъектов права, которые не суть лица физические» (наследственное имущество, наследники которого не установлены, юридические лица и коллективы, не способные к действиям), правильнее говорить о долгах и обязанностях, лежащих на правовых субъектах, с другой, то «объектом права, таким образом, могут быть все обязанности, лежащие на правовых субъектах, будь то „действия” физических лиц, будь то „долги” лиц юридических и других субъектов права» [33, с. 146–147].

Полагаем целесообразным завершить обзор дореволюционных источников по проблемам юридических обязанностей указанием на монографию Л. Л. Гервагена «Обязанности как основание права». Невзирая на наименование, в котором, заметим, отмечается обеспечительный характер обязанности, данная монография не может претендовать на роль специальной теоретической работы по рассматриваемой проблематике, поскольку ее содержание значительно шире и, подобно курсам философии права того периода, включает как теоретические основы положительного права, так и вопросы о том, каким должно быть право с точки зрения различных идеальных критериев. Взглядам автора непосредственно на обязанности посвящены страницы 81–94, на которых выдвигается и обосновывается тезис о том, что правовая обязанность (как и субъективное право) имеет характер правового, субъективного *состояния* человека, формирующегося под угрозой применения неблагоприятных последствий [34, с. 82, 86]. Здесь же Л. Л. Герваген высказывает оригинальную мысль о том, что состояние, в котором субъекту предписано действовать определенным образом, именуется долгом, а для обозначения состояния, в котором субъекту запрещено определенное поведение, термин отсутствует, что объясняется нецелесообразностью для лица, нарушившего запрет, ссылаться на соответствующую запрещающую норму.

Систематическое изложение европейской и дореволюционной юридической литературы не позволяет констатировать становление учения о юридических обязанностях вообще и частноправовых в особенности. Говоря словами Ю. С. Гамбарова, главное содержание гражданского права составляла имен-

но теория субъективных прав [31, с. 187]. Результаты общетеоретических разработок, в свою очередь, были предопределены узким кругом вопросов, преимущественно связанных с проблемой соотношения субъективного и объективного права, и формировались не без влияния философского изучения права, научной психологии и социологии. Соответственно, при определении природы юридических обязанностей либо использовались совершенно различные признаки, либо тождественные, но в различных вариациях, либо один и тот же автор в двух разных работах опирался на противоположные элементы.

Заслуги, которые с содержательной точки зрения можно поставить в актив немецкой научной юриспруденции рассматриваемого периода, включают указание на: отсутствие обратной связи между правом и обязанностью, возможность существования юридической обязанности при временном отсутствии ее носителя; возможность совпадения субъективного права и юридической обязанности. Российским дореволюционным исследователям удалось лишь продвинуть изучение юридических обязанностей, но не придать ему качественного развития.

Список использованных источников

1. *Гримм, Д. Д.* Курс римского права / Д. Д. Гримм. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. — Т. 1. Вып. 1: Введение. Учение об основных правовых понятиях. — 168 с.
2. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. — СПб. : Изд-во «Лань», 2000. — 608 с.
3. *Белов, В. А.* Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2011. — Т. 1: Введение в гражданское право. — 521 с.
4. *Коркунов, Н. М.* Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. — 4-е изд. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н. К. Мартынова, 1897. — 364 с.
5. *Дернбург, Г.* Пандекты. Общая часть / Г. Дернбург ; пер. с нем. Г. фон Рехенбехера ; под рук. и ред. П. Соколовского. — М. : Университетская тип., 1906. — Т. 1. — 182 с.
6. *Регельсбергер, Ф.* Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. с нем. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. — М. : Т-во И. Д. Сытина, 1897. — 296 с.
7. *Виндшейд, Б.* Учебник пандектного права. Общая часть / Б. Виндшейд ; пер. с нем. И. Г. Табашникова ; под ред. С. В. Пахмана. — СПб. : А. Гиероглифов и И. Никифоров, 1874. — Т. 1. — 358 с.
8. *Binding, K.* Die Normen und ihre Uebertretung. Erster Band, erste Abtheilung / K. Binding. — Leipzig : Verl., 1872. — 233 s.
9. *Ihering, R. von.* Geist des romanischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung / R. von Ihering. — Leipzig : Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1877. — 366 s.
10. *Меркель, А.* Юридическая энциклопедия / А. Меркель ; пер. с нем. Ф. К. Зейделя ; под ред. В. М. Грибовского. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н. К. Мартынова, 1902. — 256 с.
11. *Дюги, Л.* Общество. Личность. Государство. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства / Л. Дюги ; пер. с фр. А. Либензона. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н. К. Мартынова, 1909. — 83 с.
12. *Kelsen, H.* Hauptprobleme der Staatsrechtslehre: entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze / H. Kelsen. — 2. Aufl., photomechanisch gedr., um eine Vorr. verm. — Tubingen : J. C. B. Mohr, 1923. — 709 s.
13. *Тон, А.* Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права / А. Тон // Вестн. гражданского права. — 2010. — Т. 10, ч. 1. — № 4. — С. 192–241.
14. *Pfersche, E.* Methodik der Privatrechtswissenschaft / E. Pfersche. — Graz : Verl. von Leuschner & Lubensky, 1881. — 85 s.
15. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. — Вып. 3. — 718 с.
16. *Binder, J.* Rechtsnorm und Rechtspflicht / J. Binder. — Leipzig : Deichert, 1912. — 212 s.
17. *Ferneke, von Hold.* Die Rechtswidrigkeit. Eine Untersuchung zu den allgemeinen Lehren des Strafrechtes / Hold von Fernek. — Iena, 1905. — 184 s.
18. *Bierling, E. R.* Juristische Prinzipienlehre / E. R. Bierling. — Freiburg ; Leipzig ; Tubingen : Verl. von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1898. — 367 s.
19. *Хвостов, В. М.* Система римского права. Общая часть : конспект лекций / В. М. Хвостов ; ред. А. Э. Вормс. — 4-е изд. — М. : Тип. Вильде, 1908. — 476 с.
20. *Васьковский, Е. В.* Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н. К. Мартынова, 1894. — Вып. 1: Введение и общая часть. — 371 с.
21. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права [по изд. 1907 г.] / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.
22. *Рождественский, А.* Основы общей теории права / А. Рождественский. — М. : Изд. В. С. Спиридонов, 1912. — 157 с.
23. *Трубецкой, Е. Н.* Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. — М. : Тип. «Русский труд», 1907. — 23 с.
24. *Хвостов, В. М.* Общая теория права. Элементарный очерк / В. М. Хвостов. — М. : Университетская тип., 1905. — 19 с.
25. *Ренненкамф, Н. К.* Очерки юридической энциклопедии : в 2 ч. / Н. К. Ренненкамф. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Изд. Н. Я. Оглоблина, 1880. — Ч. 1. — 158 с.
26. *Тарановский, Ф. В.* Учебник энциклопедии права / Ф. В. Тарановский. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1917. — 534 с.
27. *Михайловский, И. В.* Очерки философии права : в 3 т. / И. В. Михайловский. — Томск : Изд. книжного магазина В. М. Посохина, 1914. — Т. 1. — 632 с.
28. *Новгородцев, П. И.* Сочинения / П. И. Новгородцев ; сост., вступ. ст. и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотнокова. — М. : Раритет, 1995. — 448 с.
29. *Кистяковский, Б. А.* Государственное право (общее и русское) : лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году / Б. А. Кистяковский. — СПб. : РХГИ, 1999. — 800 с.
30. *Муромцев, С. А.* Основы гражданского права / С. А. Муромцев. — М. : Тип. Общества распространения полезных книг, 1908. — 102 с.
31. *Гамбаров, Ю. С.* Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров. — М. : Зерцало, 2003. — 816 с.
32. *Шершеневич, Г. Ф.* Определение понятия о праве / Г. Ф. Шершеневич // Ученые зап. Казан. ун-та. — 1896. — № 4. — С. 271–294.
33. *Алексеев, Н. Н.* Общее учение о праве : курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918–1919 гг. / Н. Н. Алексеев. — Симферополь : Тип. Е. К. Бнешко-Брешковской, 1919. — 160 с.
34. *Герваген, Л. Л.* Обязанности как основание права / Л. Л. Герваген. — СПб. : Тип. А. Ф. Штельценбурга, 1908. — 208 с.

12.05.2014